отказывается идти из своей отчины — Киева: „Он же не хотяше ити из Русской земли, река им: «яко не могу ити из отчины своее и со братьею своею разойтися»; прилежно бо тщашеться, хотя страдати от всего сердца за отцину свою, всегда бо на великая дела тъсняся, размышливая с мужи своими, хотя исполнити отечьствие свое".[1] Но в дальнейшем братья его и мужи его, т. е. князья и бояре, понуждают Мстислава Ростиславича идти в Новгород — „а тамо ци не наша отчина?". Иными словами, Новгород признается всё же Русской землей, и Мстислав соглашается с ними.

Впоследствии Мстислав Ростиславич стремится „оправити Новгородьскую волость и обиду",[2] так же как он стремился перед тем „оправить" Русскую землю в целом и ее „обиду".

Таким образом, поскольку Русская земля признавалась отчиной киевского князя, понятие Русской земли понималось или более широко — в границах всех русских княжеств, или более узко — до пределов Киевского княжества, в зависимости от того, что́ признавалось за отчину киевского князя. Именно этим в первую очередь объясняются характерные для XII века колебания в определении границ Русской земли. Русская земля считалась вотчиной киевского князя — его владением. С падением власти киевского князя представление о Русской земле в феодальной среде могло ограничиваться только пределами Киевского княжества и нескольких зависимых от него княжеств. Те феодалы, которые не желали признавать власти киевского князя, политическое понятие „Русской земли" сужают до пределов реальных владений киевского князя и тех русских князей, которых они признают его вассалами.

Таким образом, колебания, которые заметны в письменных источниках XII века, а отчасти и более раннего времени, в определении понятия Русской земли, отражают отнюдь не общенародные представления о Русской земле как о Руси — Родине, а феодальные понятия о вотчине киевского князя, о той территории, на которую распространялись его права сюзерена.[3]

К концу XII века, когда значение Киева как центра Русской земли померкло, обязанность заботиться о Русской земле, стеречь ее, блюсти ее могла ложиться на плечи старейшего князя, даже если он не княжил непосредственно в Киеве. В 1195 году Рюрик Ростиславич посылает к Всеволоду Суздальскому сказать: „А ты, брате, в Володимери племени старей еси нас, а думай-гадай о Руской земли и о своей чести и о нашей".[4] Отсюда ясно — забота о Русской земле к концу XII века оторвалась от Киева. Заботится о Русской земле не киевский князь, а просто „старейший" — Всеволод Суздальский из своего Владимира Залесского.

Речь идет только о политическом, государственном понятии „Русской земли". Иное дело слово „Русь" — оно всегда относится ко всем русским людям и ко всем русским землям.[5] Русские князья не переставали считать себя русскими, где бы они ни княжили — в Киеве,

---

[1] Ипатьевская летопись, под 1178 г., стр. 411.

[2] Там же, стр. 412.

[3] См. неправильную точку зрения Б. А. Рыбакова в его статье „Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина" (Вопросы истории, 1952, № 9, стр. 45 сл. Толкование Б. А. Рыбаковым значения слов „Русская земля" не может быть принято прежде всего с лингвистической точки зрения).

[4] Ипатьевская летопись, под 1195 г., стр. 461.

[5] Там же, под 1221 г., стр. 488; под 1224 г., стр. 496; под 1195 г., стр. 461—462.